

Наталья Экономцева

Мастер Нялюзнь

«...Это не байка, душа моя, а даосская притча.
Я спер ее у кого-то из буддистов, но вы поймали меня с поличным».

Наталия Экономцева

Мастер иллюзий

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178097

АСТ, Астрель;

Аннотация

Он – знаменитый мистик и автор бестселлеров. Необычайно хорош собой. Автор кармических теорий, может быть – автор величайшей иллюзии. И хотя он гениально заставляет верить людей в то, чего нельзя увидеть, сам он точно так же подвержен иллюзиям, как и все остальные. К тому же он всё забывает, по рассеянности не приходит на пресс-конференции, пьет и теряет документы. И поэтому ему срочно нужен персональный помощник...

Она внешне не привлекает, но и не отталкивает. Зато говорит по-английски, по-немецки, по-французски, немного читает по-итальянски и может договориться с кем угодно и о чем угодно.

Возможно, она единственная, кто спасет его и раскроет ему глаза.

А возможно – просто предложит свою иллюзию взамен его собственной...

Содержание

1	5
2	28
3	37
4	47
5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наталия Экономцева

Мастер иллюзий

История одновременно жесткая и нежная, завораживающая и отрезвляющая. Редкостно некрасивая Анжелика поведает вам то, чего никогда не расскажет длинноногая голубоглазая блондинка.

Книжное Обозрение

Стойкое чувство чего-то очень славного и человеческого остается после этой истории надолго. Получилась очень занимательная и исключительно смешная книжка, которая читается как авантюрный роман.

Домашний Очаг

Кто сказал, что у нас нет интересных авторов, прочитайте эту книгу и вы сами убедитесь в этом. Наша суровая действительность и тонкая ирония перемешаны в ней, словно карты в игральной колоде. Здрóрово!

Elle

* * *

1

Здание находилось Бог знает где, но мы нашли его быстро. Водитель уверенно нырнул из одного узкого переулочка в другой, оставляя позади бесконечные заправки, автосервисы и заводы – на вид совершенно заброшенные. После того, как я села в такси и поздоровалась, он не посмотрел на меня ни разу. Даже деньги взял, не глядя и не пересчитывая, и сразу рванул с места так, что закрипела резина. Но это ничего: я привыкла.

Я вышла из машины в половине третьего – ровно за полчаса до того времени, на которое была назначена встреча, и на 15 минут раньше, чем сама собиралась приехать.

Грязная стеклянная дверь с трудом открылась, пропуская меня внутрь.

У старого турникета, перед лестницей, плакала девушка. Хороша она была сказочно – стройная, нежная, хрупкая. Светлые локоны спадали ей на лицо и прилипали к мокрым щекам, испачканным голубой тушью.

– Откройте! Дайте мне выйти!

– У вас паспорта нет, значит, не открою, – старушка в синей форме удовлетворенно причмокнула губами и скрестила руки на груди.

– Вы же меня впустили без паспорта всего час назад! А сейчас я просто хочу выйти!

– Час назад была не моя смена. А я без паспорта не выпущу!

– Вы меня знаете, я здесь раньше работала и очень часто ходила!

– Ничего я не знаю.

Девчонка сделала шаг назад, вроде бы собираясь подняться по лестнице. Но потом резко прыгнула вперед и, опершись руками о края турникета, легко перескочила через ограждение и выбежала вон, ни разу не обернувшись.

И тогда милая старушка с белыми кудряшками увидела меня. На несколько секунд она замерла с открытым ртом, а потом, словно спохватившись, взяла мой паспорт, покрутила его в руках и суетливо нажала на кнопку. На турникете зажглась зеленая стрелка, я забрала свой паспорт и прошла внутрь. Зачем рядом со скрипучими турникетами нужны такие старушки в синей форме? Явно не для того, чтобы остановить злоумышленника. Скорее, чтобы испортить настроение честным гражданам и симпатичным блондинкам.

Я же не вызываю у старушек – в синей форме или без нее – никаких чувств, кроме жалости. Эта, к примеру, даже не заглянула в мой паспорт. И будь я злоумышленицей, на моем пути не было бы даже такой, вполне символической преграды.

– Не пугайтесь, когда увидите наш офис, – говорила мне по телефону сотрудница этого удивительного здания, – мы скоро переезжаем. Новое помещение будет готово самое

позднее – через полгода, и там все очень красиво!

А потом таинственно:

– Между прочим, в основном благодаря *ему*...

И под конец с нескрываемой гордостью:

– Он наш самый продаваемый автор. Но вы, конечно, об этом знаете!

– Извините, не знаю.

– Неужели даже ничего о нем не слышали? Не знаете о «Теории душ»? О «Вратах мира»? О «Докторе странствий»? Этого просто не может быть... Он удивительный человек! Писатель, ученый, мистик... – голос в телефонной трубке становился все более растерянным.

– Видите ли, мне больше известно о политиках.

– Ах, вот как... – голос уже блуждал в непроглядном дремучем лесу, не зная, как выбраться к свету, – Ну что ж... Это ничего... Он вам понравится.

Я промолчала. Для меня не имеет значения, понравится он мне или нет. Наоборот, я бы скорее согласилась работать с тем, кто мне совсем не нравится. Так проще. Я молчала достаточно долго, и моя собеседница, судя по всему, набрела на тропинку:

– Мы готовы платить, сколько скажете. В разумных пределах, конечно...

Если бы не десять лет профессиональной практики, я бы, наверное, вздохнула. Разумные пределы. Ими ограничено все то, что могло бы закончиться великими открытиями, му-

зыкой, разрывающей душу, или большой любовью, на худой конец. Но моя работа не имеет никакого отношения к высоким материям, а значит, разумные пределы – это как раз то, что нужно.

– Как, вы говорите, его зовут? – спросила я и достала из сумки блокнот и ручку.

– Алексей Козаков. А меня зовут Катя.

Катя. Алексей Казаков. Я записала в блокнот его имя и фамилию, чтобы не забыть, пока доберусь до компьютера и интернета. Будь я знаменитым писателем и мистиком, я бы выбрала себе более звучный псевдоним. Но это мое личное мнение, не более того.

– Хорошо, Катя, я подумаю.

– Конечно, думайте, – обрадовалась моя собеседница. – Но я вам советую приехать и с ним познакомиться. С Алексеем непросто, но он – очаровательный мужчина.

Непростой и очаровательный обойдется дороже. Впрочем, сумму можно будет обсудить при встрече.

– Я, возможно, заеду на следующей неделе.

– Прекрасно! И я вас умоляю: не пугайтесь, когда увидите наш офис.

Я снова промолчала. Она меня умоляет, подумать только! Главное – вы не испугайтесь, Катя, когда увидите в своем офисе меня. Но, принимая во внимание свою внешность, я могу вам сделать скидку.

Сказать, что я некрасива, – значит не сказать ровным счетом ничего. Не знаю, какой страшный грех совершили мои родители. Или может быть, я сама сильно провинилась в прошлой жизни. Так или иначе, в этой жизни я родилась уродливой и уродиной умру.

Есть женщины, рожденные привлекать. Есть женщины, рожденные для иных целей. Но каким бы ни был высший замысел в отношении меня лично, он пока остается тайной. Я не привлекаю, но в общем-то и не отталкиваю. Чаще всего меня просто не замечают. Мужчины, женщины, дети, даже собаки – все они смотрят как будто *сквозь* меня. И это полностью опровергает тот факт, что собаки якобы ориентируются в пространстве с помощью носа, а не глаз. Впрочем, нельзя отрицать возможности того, что я и пахну настолько по-уродски, что не представляю интереса даже для собак.

Я поднялась по облезлой лестнице на третий этаж и открыла дверь с номером 312. Мне навстречу из-за компьютеров поднялись несколько голов, но глаза, как обычно, смотрели *сквозь* меня.

Я сделала шаг вперед и громко сказала:

– Здравствуйте. Мне нужна Катя.

– А вы..? – послышался голос откуда-то из глубины комнаты.

– Я Анжелика, – без всякого выражения ответила я. Но глаза всех присутствующих уже смотрели на меня в упор.

Да, меня чаще всего не замечают. Но стоит мне назвать свое имя, и жизнь на несколько секунд останавливается. Все глаза обращаются ко мне, а потом стыдливо опускаются вниз. Готова поклясться, что тот, кто впервые видит мое лицо и слышит мое имя, говорит про себя «Бывает же такое!», после чего становится со мной преувеличенно любезен. Просто из благодарности судьбе – за то, что с ним самим не случилось ничего подобного.

Помимо на редкость некрасивого лица и неловкого тела, мои родители наградили меня еще и звучным именем Анжелика. Надеюсь, в первые дни жизни мое уродство еще не было таким очевидным, иначе имя, данное мне родителями, из просто неподходящего превращается в издевательское. Согласитесь, такого не заслужил ни один новорожденный младенец, даже сильно провинившийся в прошлой жизни.

В школе меня звали Маркизой Ангелов, и самые строгие учителя тайком смеялись, услышав это прозвище. Я не виню их за это. Маркиза Ангелов? Анжелика? Неуклюжая уродина с именем рыжеволосой роскошной соблазнительницы? У того, кто все это придумал, не осталось для меня ни капли привлекательности, зато умением мыслить трезво меня оделили сполна. Анжелика... Комичность этого имени очевидна. Так что, смейтесь. Я не обижусь.

– Я Анжелика, – без всякого выражения повторила я, и из глубины комнаты ко мне вышла невысокая коротко стри-

женная женщина.

– Здравствуйте, – растерянно протянула она. – Алексей немного задерживается...

– Ничего подобного. Это я приехала раньше.

Я предоставила ей спокойно изучать мое лицо.

– Нам вас советовали как одного из лучших специалистов, да что там, мне говорили, что лучше вас никого нет и быть не может, – сказала мне по телефону эта Катя.

Что ж, похоже, советчик ничего не сказал о том, как я выгляжу. Это сюрприз, дорогая Катя, и я прекрасно понимаю, насколько он приятный.

Она смотрела на меня очень внимательно. Конечно, ей было непросто: за какие-то пятнадцать минут, до приезда их самого популярного писателя, ей нужно решить – стоит ли ему вообще меня показывать? Что скажет автор бестселлеров и мистик, непростой и очаровательный, узнав, что новый персональный ассистент, которого предлагает издательство, – настоящая уродина?

Катя оглядела меня с головы до ног. Не предложила мне ни пройти внутрь, ни выпить чаю. Я стояла спокойно и старалась не мешать. Мне известны все мои плюсы и минусы. У меня тощее угловатое тело, некрасивое лицо и жидкие волосенки. Назвать их волосами не повернется язык. Но одеваюсь я хорошо и дорого, косметика – максимально естественная, духи – самые нейтральные.

Человек тщеславный никогда не возьмет меня на работу:

такую, как я, нельзя с шиком представить компаньонам, или, переодев в вечернее платье, вести под руку на торжественный ужин. Меня нельзя трахать после затянувшихся переговоров где-нибудь в Новом Уренгое. Вернее, теоритически это можно сделать, но вряд ли такое придет кому-нибудь в голову.

Зато я говорю по-английски, по-немецки, по-французски, и немного читаю по-итальянски. Я знаю латынь, древнегреческий и имею представление об устройстве арамейского и санскрита, хотя этими языками, как вы понимаете, приходится пользоваться довольно редко. Я умею печатать вслепую со скоростью 230 знаков в минуту, и при том без ошибок. Я могу в разгар горячего сезона найти билет на самолет, который улетает прямо завтра, и знаю, кому заплатить, чтобы ни одна газета не пронюхала о том, как вчера мой работодатель напился и бил посуду в модном баре. И еще я очень нравлюсь женам работодателей, поэтому человек, недавно и удачно женатый, вполне может взять на работу такую, как я.

– Ваш писатель женат? – спросила я Катю, которая все еще не могла определиться, и неожиданно для меня самой этот вопрос оказался решающим. Он аккуратно лег на ту чашу весов, на которой написано «Черт с ним, давайте попробуем и посмотрим, что он скажет». Чаша перевесила, Катя улыбнулась и дотронулась рукой до моего рукава.

– Он не женат, – заговорщически шепнула она. – Поэтому мы и ищем для него новую секретаршу.

– Тогда вы ошиблись. Я не секретарша – я персональный помощник, и стою очень дорого.

Я взялась за ручку двери, но Катя меня остановила.

– Подождите! Вы как раз то, что нужно! И если он согласится, то... В общем, я уже говорила, что мы готовы платить, сколько скажете. Нам обязательно нужен тот, кто сможет разобраться с этим бардаком...

Катя провела руками по волосам и тяжело вздохнула. Видимо, в последнее время ей действительно приходилось несладко: лицо у нее совсем не веселое, а под красивыми глазами синяки.

– Пойдемте в кафетерий, – сказала она. – Я расскажу вам про Козакова. У него как раз заканчивается контракт, который мы подписали на десять книг, и если его сейчас не задобрить, со следующей книгой этот гад уйдет к конкурентам!

Мы пили мутноватый чай и я слушала про писателя – слушала то, о чем уже несколько дней назад сама прочитала в интернетовских досье. Но не в моих правилах прерывать того, кто собирается платить столько, сколько я скажу.

За последние пять лет мистик написал девять книг – три трилогии – и только что начал десятую. Он написал их сам – без рабов, плагиата и ночных бдений талантливого редактора. Что самое удивительное – он написал их с удовольствием и почти без капризов. Его первая трилогия называлась «Доктор странствий», и читали ее в основном женщины. О «Тео-

рии душ» уже были высокого мнения некоторые мужчины, а после «Врат мира» к ногам писателя, кажется, легли все без исключения. Говорил он едва ли не лучше, чем писал, и с успехом ездил по стране с выступлениями. У него были последователи, которые носили автора на руках и молниеносно скупали тираж. Но это не значит, что с ним не было проблем.

– Он мог бы стать новым Хаббардом, – Катя вздохнула и без удовольствия глотнула свой мутный чай. – Толкиеном! Кем угодно! Но с ним так сложно! Он все забывает, по рассеянности не приходит на пресс-конференции, он пьет и теряет документы... Недавно потерял ноутбук с началом нового романа, сейчас пытается восстановить по памяти и без конца причитает, что мы не можем повлиять на полицию – чтобы нашла потерянное. Лучше бы он повлиял на свою карму, о которой так складно пишет!

Катя невесело улыбнулась.

– А еще... Это просто для примера, чтобы вы поняли, что происходит... Так вот, моя ассистентка купила ему билет на самолет в Екатеринбург, там была встреча с читателями, и сдуру отдала ему в руки, представляете, какой ужас? – Катини глаза широко раскрылись.

– Нет, не представляю.

– Он его потерял. Потерял за одну минуту! Прошел двадцать метров от того места, где встречался с ассистенткой, до окошка регистрации на рейс, а билета нет! И знаете, что он сделал? Сказал, что существование не готово принять его

в Екатеринбурге, потому и пропал билет! Взял свой чемодан и вышел. И уговаривать его было некому, потому что я болела, а его секретарша, – тут Катя посмотрела на меня и сама себя поправила, – то есть, я хотела сказать, персональный помощник... Она как раз сказала, что видеть его больше не желает.

– Почему не желает?

– Женщины...

– А что с женщинами?

– У него их слишком много... И он их слишком быстро бросает... Так всегда было.

Довольно странно для мистика, вам не кажется? Но это мое личное мнение, а потому я оставила его при себе.

– Между нами говоря, его бесконечные бабы создают массу сложностей. Я имею в виду – для нас это сложности, а ему все как с гуся вода! У него даже есть очень хитрая теория на этот счет. Но об этом он вам сам пусть расскажет. И его секретарша...

Катя нервно крутила в руках чашку. Почему-то мне показалось, что она сама тоже не осталась равнодушной к непростому, но симпатичному автору.

– Причем здесь его секретарша? – на всякий случай спросила я, но вообще-то все ясно и так. Нет ничего нового в этом мире под солнцем. Его помощница была женщиной, рожденной привлекать. Ее можно вести под руку в вечернем платье, с ней некогда скучать в Новом Уренгое, но... Как вы пре-

красно понимаете, здесь есть свои «но».

– Он ее бросил. То есть перестал с ней спать и уволил, – тихо вздохнула Катя. Мне показалось, или в ее глазах на самом деле мелькнула искра злорадного торжества? – А она говорит, что беременна... И если вы станете с ним работать, то с этим нужно будет разобраться в первую очередь!

– С беременностью?

– С секретаршей. Она его преследует, а ему хоть бы что. Но пока она на что-то рассчитывает, это еще полбеды. Вот когда она откажется, представляете, что она может рассказать газетам? Тогда конец...

– Вряд ли стоит об этом беспокоиться, Катя. Ведь до сих пор еще ни одна его женщина ничего не рассказала?

– Ему еще никогда не попадались такие упорные, – тоскливо шепнула она, как будто сожалея о чем-то своем, и несколько капель мутного чая упали на стол.

Я молча пожала плечами. За три месяца работы хорошая секретарша может узнать о своем начальнике очень многое, и как правило, этим сведениям – не место в газетах. Но стоит ли называть это концом? Откровенно говоря, мне не приходилось слышать о мужчинах, чья карьера была безвозвратно погублена влюбленными секретаршами.

– Его семинары, – как будто подслушав мои мысли, выдохнула Катя. – Официально мы об этом ничего не знаем и знать не хотим, но вот вам придется с этим что-то сделать, и как можно скорее. Там творится что-то невообразимое...

Оргии какие-то... Против него уже один раз завели дело, и нам это стоило очень дорого...

Катя закурила еще одну сигарету и снова вздохнула. На нее страшно было смотреть – бледная, замученная, нервная. Если бы у меня было такое же красивое лицо, я бы не стала убиваться на работе, можете мне поверить.

Конечно же, вслух я не сказала ничего подобного. Я просто вписала в блокнот «секретарша». И строчкой ниже – «семинары».

А в следующую секунду зазвенел Катин мобильный.

– Это он. Он здесь! Пойдемте! И вот еще что: имейте в виду, его новая баба – настоящая змея. И этот его... Борис – гад порядочный.

Одним глотком она допила свой мутный чай и побежала к двери. Я неспеша пошла за ней. Одно из несомненных преимуществ, которое дает женщине уродство, – это возможность не суетиться по пустякам. Когда-то, давным давно, может быть, даже в прошлой жизни, я уже пропустила самое важное, что могло у меня быть, – свою красоту. Так стоит ли теперь торопиться только потому, что кто-то требует моего присутствия?

На улице был май, а он сидел на мягком диване издательства босиком, сложив ноги по-турецки, – загорелый и очень красивый. Его кожаные светло-коричневые шлепанцы были небрежно брошены на полу. Его лицо казалось спокойным и

отстраненным, но первое, что поразило меня, было совсем не лицо.

Его ступни. Мужественные, и при этом удивительно изящные пальцы совершенной формы. Если вы спросите меня, какую форму ноги я считаю совершенной, я не смогу ответить ничего вразумительного. Гармония человеческого тела не измеряется сантиметрами и килограммами, здесь действуют совсем другие законы, о которых наверняка гораздо больше знает автор кармических теорий. Однако ступни мистика, сложенные как будто для медитации на мягком диване издательства, были совершенны. Рядом с такими ногами хочется сесть на пол, опустить их в теплую душистую воду, потом обернуть полотенцем. А может быть – и собственными волосами. При условии, что они окажутся достаточно длинными и густыми, разумеется.

Не думайте, что я размечталась. Я родилась не для того, чтобы привлекать, и тем более – не для того, чтобы прикасаться к ступням совершенной формы. По крайней мере, тот, кто все это придумал, не обделил меня здравым смыслом, и я никогда не заблуждалась на свой счет.

Я прекрасно знаю, что мистик сидел именно так, как положено сидеть автору теории об устройстве этого мира. Мысленно я поаплодировала ему и шагнула вперед.

Он скользнул взглядом по открывшейся двери, но меня не заметил.

– Лешечка! Как хорошо, что ты все-таки смог к нам за-

ехать! – Катя бросилась к дивану и поцеловала мистика в щеку.

– Ну что ты, Катя, ради тебя я готов приехать куда угодно. Его голос завораживал – низкий, мягкий, бархатистый. Он вил коконы, он окутывал теплым невесомым одеялом и прятал от непогоды.

Я ничуть не удивилась, что он слишком часто меняет женщин. Он просто не может иначе. Я бы даже не удивилась, если бы мне сказали, что женщины сами сменяют друг друга, выстраиваясь в очередь у его дверей, и моментально спускают с лестницы тех, кто уже удостоился его внимания.

– Леша, я хочу, чтобы ты познакомился с девушкой, которая, как я очень надеюсь, станет твоим новым секретарем, – прощепетала Катя, особенно напирая на слово «очень».

– Я тоже очень хочу с ней познакомиться, – он откинулся на спинку дивана и мечтательно улыбнулся. – Но вот станет ли она моим секретарем, зависит совсем не от нас с тобой. Правда, Катя?

Его лицо было таинственным и немного печальным, и глядя в его бездонные глаза, даже я вполне могла бы подумать – он видит гораздо больше нас всех. Но как нарочно, произнося эти очень правильные для мистика слова, он смотрел прямо на меня. То есть, строго говоря, он смотрел в мою сторону. Но на самом деле – *сквозь* меня. А это значит, что видел он ничуть не больше всех остальных, точно так же не замечавших моего присутствия.

– Знакомься, – улыбнулась Катя. – Это Анжелика.

Чтобы он понял, о ком идет речь, Кате пришлось подойти ко мне вплотную и показать пальцем.

– Это Анжелика.

– Это? Анжелика?

И как обычно, жизнь на несколько секунд остановилась.

Именно тогда я поняла, что он достоин уважения. Ни один мускул не дрогнул на его спокойном лице. Его бархатный голос не изменился. Мистик даже не усмехнулся, что случается с очень немногими.

– Я очень рад с вами познакомиться, Анжелика. Меня зовут Леша.

А потом он встал с дивана и босиком пошел ко мне навстречу.

– Я тоже рада, Алексей. Но только я не секретарша. Я персональный помощник.

Он улыбнулся и пожал плечами. «Разве это что-то меняет?» – говорил его взгляд. Он взял мою руку и слегка коснулся ее губами. Нужно ли это понимать в том смысле, что существование ответило мне милостливым кивком? Я не знала.

И не думайте, что я не заметила: мистик и гуру представляется инфантильным именем Леша. Выйдя за дверь, я достану блокнот и запишу: «Леша». Если мы станем работать вместе, это будет первое, о чем я ему скажу.

Он не задал мне тех вопросов, на которые я уже отвечала много раз. Где я работала раньше? Достаточно ли у меня времени, чтобы окружить заботой такую важную персону, как он? Достаточно ли у меня терпения и опыта? И я не рассказала ему о политике, который стал бизнесменом. И о предпринимателе, который балотировался в губернаторы. Я даже не заикнулась о ведущем популярной телевизионной передачи, а работой с ним я горжусь больше всего.

Я не сказала мистику, что опыта у меня больше, чем у кого бы то ни было: пока те, кто рожден привлекать, выполняли свое предназначение, я занималась исключительно работой.

У меня достаточно терпения, чтобы отдавать работе свой разум, и достаточно разума, чтобы не отдавать ей душу, не создавая проблем ни себе, ни другим. Работаю я отлично, стою очень дорого и всегда ухожу сама – когда становится неинтересно или в другом месте предлагают более привлекательные условия. Он не спросил меня ни о чем подобном, и я промолчала.

Пару минут он внимательно смотрел мне в глаза, и все это время в комнате стояла невероятная для такого большого помещения тишина. Менеджеры по распространению, редакторы и секретари, казалось, замерли в ожидании. А он просто смотрел мне в глаза и при этом стоял так близко, что я чувствовала слабый запах восточных благовоний. Так пахли его волосы? Или одежда? А может быть, его загорелая кожа? Это так и осталось для меня загадкой.

Он стоял очень близко, и уже в те первые минуты я понимала, что он опасен. Опасность излучали его прищуренные светло-зеленые глаза, его таинственная улыбка. Об опасности кричало его тело – такое спокойное и каждую секунду готовое к прыжку. От таких, как он, умной женщине нужно бежать без оглядки. Впрочем, к уродинам это не относится: тот, кто все это придумал, заранее позаботился о моем спокойствии.

– Мне нужно немного подумать, Анжелика. Надеюсь, вы не обидитесь? – спросил мистик, и это прозвучало так трогательно и задушевно, как будто его и правда волновало – обижусь я или нет.

– Разумеется, – ответила я.

Я еще не успела договорить, а он уже взял мою руку и еще раз поднес ее к губам. Я попрощалась с автором кармических теорий и спустилась вниз по лестнице. А чаша весов у меня за спиной снова застыла в нерешительности.

Нет ничего нового в этом мире под солнцем, и я прекрасно знала, что происходило наверху, в офисе издательства. Я почти видела, как автор вновь сел на диван, скрестив босые ноги совершенной формы.

– Она же уродина, – сказал он и смущенно улыбнулся. – Неужели я не заслужил ничего получше?

– Она лучше всех, я же говорила! – ответила Катя.

– Но она настоящая уродина, этого ты мне не говорила, дорогая! И потом, существование...

– Но учитывая то, что случилось в прошлый раз, твое существование будет очень радо уродине! – Катя произнесла эти слова на одном дыхании и мгновенно испугалась, что сказала лишнее. – Уродина – это то, что тебе нужно! Лешечка, подумай: секретарши уходят от тебя раз в три месяца...

– Это сильнее нас с тобой, ты же знаешь.

– Конечно, сильнее, но все-таки... Она будет прекрасно следить за делами, а без женского внимания такой мужчина как ты, никогда не останется!

Сказав это, Катя смутилась, а мистик тактично потупил глаза. Он еще делал вид, что сомневается, но чаша весов с надписью «Черт с ней, давайте попробуем» уже медленно опускалась вниз.

Мой телефон зазвонил раньше, чем я успела доехать до дома.

– Анжелика, ура! Он согласился.

– Отлично. Давайте обсудим мою зарплату.

Я стою очень дорого, я же говорила.

Его секретаршу тоже звали Катей. Вторая Катя. Катя номер два. Автор «Теории душ» равнодушен к Катям – простите за каламбур.

Я приехала к ее дому в восемь вечера и позвонила.

– Кто вы? – голос в домофоне был слаб и измучен.

– Я персональный помощник Алексея. Новый персональный помощник. Он просил меня к вам приехать.

– Почему он сам не приехал? – голос немного окреп.

– Он болен. Не может выйти из дома и почти не разговаривает. Бронхит.

Дверь открылась, и я пешком поднялась на четвертый этаж. Мне не нравятся лифты: в них появляется отвратительное ощущение, что от вас уже ничего не зависит. Не доехав до четвертого этажа, вы застреваете между вторым и третьим, и висите там в полной беспомощности – несколько часов или несколько минут, это уже вопрос личного везения. Или на полпути вы понимаете, что вам совсем не хочется на пятый, но механизм уже запущен, кнопка «стоп» не работает, и никакая сила не поможет вам вернуться назад. Двери неумолимо раскрываются на пятом.

Несомненное преимущество уродства – это возможность решать за себя. Пока женщины, рожденные привлекать, с большим или меньшим успехом воюют против воли мужчин и одновременно пытаются навязать им свои собственные желания, я сама выбираю этаж, который мне нужен. Оставьте мне это право, я не прошу слишком многого.

В дверях стояла девушка с растрепанными светлыми волосами. Они спадали ей на лицо и прилипали к щекам, перемазанным синей тушью. Вчера утром она же рыдала у проходной издательства. Ее кожа была очень светлой, ее лицо – тонким и восхитительно нежным. Какой же должна быть та, ради которой мистик оставил эту?

– Здравствуйте, – вежливо сказала я. – Меня зовут Анжелика.

Она подняла на меня свои покрасневшие глаза. В них мелькнуло удивление, но жизнь не остановилась. Вторая Катя слишком занята собой, чтобы обращать внимание на других. Она не заметила меня вчера и, по большому счету, не замечает сегодня. Я же, в отличие от нее, замечаю все вокруг: ведь на свете нет ни мужчины, ни ребенка, которые помешали мне ясно видеть происходящее.

– Проходите, – сказала Катя и всхлипнула.

Маленькая темная прихожая. Старая вешалка и шкаф без дверцы. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: это всего лишь съемная квартира, из которой Кате номер два, скорее всего, придется выехать после непростой истории с писателем.

– Зачем он просил вас приехать? Он хочет что-то передать?

– Нет.

– Тогда зачем? Что ему нужно? Убедиться, что мне без него плохо? – ее глаза стали влажными, но даже мне было понятно, что в душе женщины, рожденной привлекать, затеплилась надежда. А значит, с этим надо было заканчивать как можно скорее.

– Ему от вас ничего не нужно, Катя. Я вас обманула. У него нет никакого бронхита. Ему безразлично, плохо вам без него или хорошо. Он даже не знает, что я здесь. Я приехала

для того, чтобы с вами договориться. Если вам нужны деньги, я сделаю так, что вы их получите.

Я посмотрела ей прямо в лицо и не отвела взгляда, когда она отшатнулась в сторону. Я не стала извиняться, когда она побледнела и прислонилась спиной к стене.

– Мне не нужны его деньги.

Должна признаться, что мне и раньше встречались женщины, которые легко переходили от самой радужной надежды к полному презрению. Но никто еще не делал этого так быстро.

– Зря, – сказала я, и мой голос прозвучал глухо и бесстрастно.

– Пусть ими подавится!

– Зря. Но это всего лишь мое мнение.

– Пусть подавится! Если он думает, что сможет меня купить...

Катины покрасневшие глаза превратились в щелки, а нежные ладони крепко сжались в кулаки.

– Катя, он об этом не думает, – тихо сказала я.

И в ту же секунду ее глаза раскрылись так широко, как будто она впервые меня увидела.

– Как вы можете все это говорить? Он сожрал меня, и вас сожрет, можете не сомневаться!

Я грустно улыбнулась. Впрочем, это слишком громко сказано. Я не умею по-настоящему улыбаться. Мой рот кривится, показывая неровные мелкие зубы, но назвать это улыбкой

может только кто-то, очень ко мне расположенный.

– Вам не кажется, что для еды он мог бы выбрать вместо меня кого-нибудь более аппетитного?

Она усмехнулась, и стало понятно, что самое сложное позади. Я не вызываю ничего, кроме жалости, даже у отвергнутых любовниц. И это еще одно из несомненных преимуществ, которое дает женщине уродство.

Только увидев их втроем, я поняла, насколько точными оказались слова первой Кати.

День был теплый и ясный, и все трое стояли посреди просторной гостиной Козакова, залитые прозрачным солнечным светом. В ней не было ничего, кроме светлого дивана, двух кресел и книг, сложенных стопками вдоль стен. Мистик, одетый в легкую рубашку и широкие брюки, обнимал за плечи настоящую змею – черноволосую высокую женщину. Ее гладкие блестящие волосы струились вдоль гибкой спины. Изогнувшись в талии, она прильнула к нему и прикрыла глаза. Змея – лучше и не скажешь – сексуальная, загадочная, опасная. За такую женщину можно отдать десяток заплаканных Кать разного возраста и впоследствии ни разу не пожалеть об этом.

Чуть дальше, у кресла стоял невысокий, коротко стриженный мужчина с мелкими чертами лица и глазами, острыми, как бритвы. Гад, но порядочный, – в этом тоже не может быть никаких сомнений. Он широко улыбался.

– Знакомьтесь, дорогие мои, – Анжелика, – нараспев произнес мистик. – А это Иринушка, моя муза. И Борис, мой друг и соратник.

Наверняка мой приход был подготовлен, а потому жизнь не остановилась.

Мне редко приходится встречать женщин, которые смотрят на меня без жалости, или хотя бы без сочувствия, но Змея оказалась одной из них. Она сверкнула черными глазами сквозь полуприкрытые веки, и этом взгляде не было ни капли сострадания. Наверняка в другое время и в другом месте она могла бы нежно свернуться колечком у огня. Но сейчас она обвилась вокруг мистика, и это не предвещало ничего хорошего для той, которая захотела бы на него посягнуть. К счастью, и в этом случае тот, кто все это придумал, заранее позаботился обо мне.

– Здравствуйте, – сказала я.

Змея не произнесла ни слова.

Порядочный гад чуть склонил голову в знак приветствия.

– Анжелика! Подумать только, вы приехали вовремя! – воскликнул он, приложив руку к сердцу. По его насмешливой интонации сложно было сказать, задал ли он вопрос или просто констатировал факт.

– Я приехала вовремя. Что в этом странного?

– Я ни разу не встречал женщины, которая появлялась бы тогда, когда обещала, и там, где обещала. Может, вы и не женщина вовсе? – Борис довольно усмехнулся.

Я не улыбнулась ему в ответ. У меня есть свои недостатки, но привычка опаздывать не входит в их число. Я могу появиться некстати или невовремя. Могу позвонить в дверь, когда меня совсем не ждут, но опоздать – такого еще не было.

– Могу я предложить вам чаю? – спросил мистик.

Продолжая обнимать свою Змею, он внимательно изучал меня без малейшего стеснения.

– Не предлагайте. Не будем терять времени.

– Настоящий профессиональный секретарь не теряет времени даром?

– Я не секретарь. Я персональный помощник.

Козаков едва заметно усмехнулся, и хитрая искорка в его глазах вспыхнула и сразу же погасла.

– Я помню. Вы мне уже говорили. Вы не хотите пить чай, так чем же вы хотите со мной заняться?

Можно было бы подумать, что Змея его укусит. Но она всего лишь фыркнула, гибко отстранилась от мистика и плавно вышла на кухню. Когда она двигалась, ее спина оставалась идеально ровной, но при этом казалось, что эта Ири-нушка может в любой момент и без малейших усилий сложиться в тугое колесо.

– Чем же вы хотите заняться, Анжелика? – повторил Козаков.

– Это зависит от вас, – ответила я. – Расскажите о том, что мне нужно сделать в первую очередь.

Не дожидаясь приглашения, я села на диван и раскрыла свой блокнот. На первой странице уже было три записи: «секретарша», «семинары», «Леша». Я достала ручку и вычеркнула «секретаршу». А затем я посмотрела на Козакова, который все еще усмехался, но его лицо становилось все более растерянным.

– Я вас внимательно слушаю, – сказала я и на новой странице записала число – 18 мая.

– Вы что – собрались писать под диктовку? – мистик приклонился спиной к стене и сложил руки на груди, а порядочный гад уселся в кресло, всем своим видом показывая, что происходящее его не касается.

– Можно воспользоваться диктофоном, – я достала его из сумки и положила рядом с собой на диван, – но я больше привыкла делать пометки в блокноте. Вы не возражаете?

– Да пожалуйста... – он пожал плечами. – Вот только я понятия не имею, что вам диктовать...

– Расскажите о самом важном. Какая помощь вам нужна прямо сейчас?

– Я... Я не знаю... Мои секретари раньше договаривались о встречах и иногда ездили со мной на выступления... Вот и все. Кажется, на следующей неделе я должен куда-то лететь. Катя об этом знает...

Я записала в блокнот: «Поездка на следующей неделе – Катя».

– Послушайте, Алексей, я не секретарь и могу гораздо больше, чем договариваться о встречах. Туда, где не требуются ваше присутствие, я могу ездить сама. Я в состоянии заниматься всеми вашими делами, для этого и нужен персональный помощник. Вам не придется отвлекаться от творчества.

– Уффф... Я не знаю... Я не привык, – Козаков расте-

р्यानно взглянул на Бориса, но порядочный гад, не отрываясь, изучал молодые зеленые листья за окном.

– Вы привыкнете очень быстро. Просто скажите, что вас сейчас беспокоит больше всего, а я подумаю над тем, как с этим разобраться.

– Катя считает, что я слишком рассеянный и все забываю, – не очень уверенно произнес Козаков. – Вы можете с этим что-нибудь сделать?

Первое, что я подумала: какая именно Катя так считает – номер один или номер два? Разумеется, вслух я не сказала ничего подобного. Вслух я сказала так:

– Это очень просто. Каждый раз, когда к вам поступает важная информация, вы можете позвонить мне – в любое время суток. Я все запишу и напому. Что еще вас беспокоит?

– Что меня беспокоит? – в глазах мистика снова мелькнула искорка. – У меня недавно потерялся ноутбук. Приходится восстанавливать несколько глав по памяти – вот это меня действительно беспокоит! – с вызовом бросил он.

– Когда и где он потерялся?

– В такси, две недели назад, кажется во вторник. Но может, и в среду. Не помню.

– Это значит, 2-го мая? Или 3-го?

– Это значит – не помню! Можете вы с этим помочь? – в голосе мистика явно прозвучало раздражение.

Я не удивилась и не расстроилась: мало кому нравится, ко-

гда появляется человек, который обещает в одночасье разобраться со всем, что сводило вас с ума всю сознательную жизнь.

– Не сердитесь, – очень спокойно сказала я. – Не уверена, что получится найти ваш компьютер, хотя я попытаюсь. Но можно придумать кое-что на будущее. Как часто вы пишете?

– Каждый день! – мистик недовольно дернул плечом, как будто я сказала что-то невыразимо глупое.

– Мы можем договориться о времени, и я каждый день буду приезжать и делать копию того, что вы написали.

– Вы будете каждый день делать копию текста?!

– Да.

Мистик развел руками и, поскольку гад продолжал демонстративно смотреть в окно, Козаков крикнул в сторону кухни:

– Она похожа на джина из бутылки! Вы действительно записываете все, что я говорю? Вы случайно не издеваетесь?

Козаков сел рядом со мной на диван и с любопытством заглянул в мой блокнот.

«Копия текста. Каждый день» – записала я и подчеркнула жирной чертой.

– Что значит «секретарша»? Почему вы ее зачеркнули?

– Потому что проблема решена.

– Какая еще проблема?! – Козаков не двинулся с места, но я заметила, что его взгляд беспокойно метнулся в сторону двери. Значит, не все ему с гуся вода? С кухни не раздава-

лось ни звука.

– Катя – та, что из издательства – рассказала мне о вашей предыдущей помощнице.

– Что же она вам рассказала? – ему даже наверняка не все с гуся вода, потому что глаза Козакова превратились в две светло-зеленые щелочки, и я подумала о том, что совершенно не завидую Кате номер два, если мистику случилось смотреть на нее так же.

– Только то, что она слишком эмоционально отреагировала на увольнение. Но, повторяю, эта проблема уже решена.

– Как?

– Она согласна получить выходное пособие и больше вас не беспокоить. Все будет заверено у нотариуса. Сумма разумная.

– Меня не волнует сумма, – сказал мистик и неспеша поднялся с дивана. – Иринushка!

В дверях с большой чашкой чая стояла змея, ее волосы переливались на солнце всеми цветами радуги, а черные глазищи были похожи на два здоровенных пылающих угля.

– Вы еще не закончили? – лениво произнесла она. Была ли она недовольна упоминанием о предыдущей любовнице или тем, что я слишком долго отрываю от нее Козакова? Как бы то ни было, переживать ей было явно не из-за чего.

– Почти, душа моя, – сказал мистик и двинулся к ней, как будто его тянуло магнитом. И вряд ли в этом мире найдется хоть один мужчина в здравом уме и трезвой памяти, который

решился бы его осудить.

– Что ж, вы прекрасно поработали, – бросил он мне. – У вас там записано «Леша». Что это значит?

– Что в деловом общении уместнее пользоваться полным именем. «Леша» оставляет впечатление чего-то инфантильного. Я знаю, о чем говорю, можете мне поверить.

Змея снова фыркнула, а порядочный гад впервые за все время оторвался от окна и уставился на меня.

– Я вас услышал, – без всякого выражения произнес Козаков. – А семинары? Что с семинарами?

– Если нужна помощь с семинарами, я готова ее предложить.

– Этим занимаюсь я, – отрезал Борис, – и помощь мне не нужна.

– Как скажете, – я поднялась с дивана. – Дайте мне знать, когда нужно будет сделать копию текста. Всего доброго.

Я вышла в прихожую, открыла дверь и закрыла ее за собой. Никто из них не сказал ни слова и не двинулся с места, чтобы меня проводить. Не думайте, будто я была этим задета. У меня есть масса и более важных поводов для того, чтобы обидеться на судьбу.

Мой телефон зазвонил раньше, чем я успела доехать до дома.

– Она на самом деле беременна? – спросил Козаков.

– Об этом, Алексей, я не имею ни малейшего представления. Но вот что я хочу вам сказать: ваша поездка намечена не

на следующую неделю, а на конец этой. В субботу мы летим в Петербург. Я заеду за вами в десять, будьте готовы.

– Хорошо.

– Катя заказала два билета. Но если нужен еще один – для Ирины – я могу его найти.

Козаков ответил не сразу:

– Не надо, это лишнее.

И еще через пару секунд:

– Может быть, вы спросите ее о ребенке, Анжелика?

– При всем уважении, Алексей, я очень сомневаюсь, что она будет со мной откровенничать. Пожалуйста, не забудьте: послезавтра, в субботу, 10 утра.

И я повесила трубку. Разрешение моральных противоречий клиента не входит в мои обязанности.

Но не думайте, что я не заметила: знаменитый мистик и гуру решил оставить свою сексуальную змею за бортом.

Утро субботы было холодным и пасмурным, как будто лето стояло у дверей в нерешительности, а потом развернулось, плюнуло, да и ушло восвояси. Такси остановилось у дома Козакова в 9.55. Мелкий дождь нещадно сыпал на серый московский асфальт, и, разумеется, мистика у подъезда не было. Не было его и в 10.15 и в 10.30, а телефон Козакова отвечал мне протяжными длинными гудками. В 10.45 знаменитый автор кармических теорий появился на пороге – в плаще и с огромным клетчатым зонтом в руках. Его лицо было загорелым и улыбчивым, а глаза светились таким безупречным покоем, которому бесполезно искать объяснения.

– Доброе утро, – весело сказал он, когда я вышла к нему навстречу. – Ну что, поедем?

Он сложил свой клетчатый зонт, поставил в багажник дорогой кожаный саквояж и раскрыл передо мной дверцу:

– Прошу вас, Анжелика!

Он широко улыбнулся и сел со мной рядом. И сразу же еле заметный запах восточных благовоний наполнил воздух. Козаков расстегнул верхнюю пуговицу плаща, положил руки на колени ладонями вверх. А потом, как и положено знаменитому мистiku, замер и погрузился в себя. И должна вам признаться, что не восхищаться им было бы невозможно.

– Вы везете с собой ноутбук? – спросила я, когда мы пе-

ресекали границу города. – Если да, то давайте сразу же скопируем на диск то, что вы успели написать.

Он неспеша повернул голову ко мне и улыбнулся:

– Пока не надо. Я не так уж много успел. Нужно было собраться, вы же понимаете...

– И все-таки, давайте копируем. Так мне, да и вам тоже, будет гораздо спокойней.

– Дорогая Анжелика... Лика... Можно я буду вас называть так? Мне кажется, имя Лика вам идет гораздо больше! – Козаков легко дотронулся до моей руки. – Так вот, дорогая моя Лика, я совершенно не хочу вас утруждать.

– Мне не сложно. Это займет всего пару минут.

Мне случалось видеть мужчин, способных быстро распаляться, но никто из них не мог бы сравниться с Козаковым. Он помрачнел, словно черная туча накрыла его загорелое лицо, а от покоя не осталось и следа.

– Вы слушаете, что я вам говорю? – очень тихо спросил он, и от этого вопроса по моей спине побежали мурашки. – Там нечего копировать. Нечего! Неужели это непонятно?

Его голос был похож на шипение, а раздражение изливалось на меня, как яд. Что ж, похоже, у мистика и его Змеи гораздо больше общего, чем могло показаться на первый взгляд. И хотя Козаков говорил очень тихо, водитель заметно вздрогнул, а потом обеспокоенно глянул на нас в зеркало. А я? Я всегда готова к сюрпризам.

– Что вы застыли, дорогая моя? Разве я непонятно гово-

рю? – еще раз спросил мистик.

– Теперь понятно, – так же тихо ответила я. – И если вы не против, я предпочитаю, чтобы меня звали тем именем, которое мне дали родители.

– Извините. Я не хотел вас обидеть, – произнес он, и туча, омрачившая его красивое лицо, стала медленно рассеиваться.

– Вам не за что извиняться. Вы не сказали ничего обидного.

Автор кармических теорий переживал кризис и воспринимал его весьма болезненно – это было очевидно. Я бы совершенно не удивилась, если бы мне сказали, что он не терял свой компьютер, а всего лишь пытался таким образом оправдаться перед издательством за задержку новой книги. Но это всего лишь мое личное мнение и, разумеется, я оставила его при себе.

Что же касается моего звучного имени... Даже человеку, не наделенному воображением, понятно, что сократить Анжелику до Лики было бы самым простым вариантом. Выкинуть четыре буквы и навсегда избавиться от нескольких мучительных секунд после знакомства и слов «Бывает же такое!», которые ясно читаются в глазах собеседника. Но я никогда не пошла бы на подобное сокращение – ни в четырнадцать, когда Маркиза Ангелов казалась убийственно жестокой, ни в двадцать, когда я с успехом прятала лицо за раскрытыми книгами, ни тем более сейчас, когда я приняла свое

уродство как данность. Почему я так упорствовала? От обиды на судьбу или от того, что раз и навсегда смирилась со всем, полученным при рождении? Обе точки зрения одинаково верны, и то, какую из них вы выберете, не имеет ни малейшего значения.

Да самого аэропорта мы с Козаковым ехали в полном молчании, и только капли дождя, которые вдруг стали большими и тяжелыми, гулко стучали по стеклу.

Все так же молча мы вошли в зал вылета. Видимо, в это пасмурное утро даже путешественникам не хотелось покидать свои уютные городские квартиры: пассажиров в аэропорту было на удивление мало.

– Мы успеваем. Регистрация еще не закончилась. Пойдемте, – сказала я и достала из сумки билеты.

У нашей стойки было всего четыре человека. Я сняла куртку и повесила ее на ручку своего небольшого ярко-зеленого чемоданчика – такой не нужно сдавать в багаж, но если бы это и пришлось сделать – он ни за что не затеряется среди темно-серых и черных.

Когда подошла наша очередь, я протянула билет мистике и сделала шаг вперед, но тут же остановилась.

– Давайте-ка я пропущу вас вперед.

– Как вам удобней, – улыбнулся Козаков и подошел к стойке.

Мне приходилось летать в самолетах с политиками, биз-

несменами и даже ведущим популярной телепередачи, но еще никогда до этого я не видела, чтобы сотрудница аэропорта за каких-то пару секунд расцветала самой солнечной из всех возможных улыбок.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я просто не верю своим глазам! Я читала все ваши книги!

– Мне очень приятно это слышать, – ответил мистик, и разумеется, его голос был низким и бархатистым, он звучал, как музыка, вил коконы и хранил от непогоды.

– А когда же выйдет новая книга? – щеки девушки заметно порозовели, а глаза радостно вспыхнули.

– Очень скоро. И я обязательно подарю вам ее – с автографом, – пообещал Козаков, при этом не делая ни малейшей попытки узнать, как можно связаться с симпатичной сотрудницей аэропорта.

Впрочем, она этого не заметила.

Так уж создано природой, что женщины, рожденные привлекать, безоговорочно верят в свою исключительность. Козаков виртуозно пользовался тем, что создано природой, с легкостью раздавая надежды, которым не суждено было осуществиться. Но мне ли было его за это осуждать?

– Пожалуйста, ваш паспорт и билет, – сказала девушка, не переставая улыбаться.

– Конечно.

Козаков опустил руку в карман плаща, но он оказался пуст. Он хлопнул себя по карманам брюк и нашел паспорт.

Он вынул портмоне из тисненной кожи и растерянно заглянул внутрь. Он открыл саквояж и повернулся ко мне.

– Анжелика, вы будете смеяться, но я понятия не имею, куда делся билет.

Ну конечно. Номер с потерянным билетом, похоже, был любимым фокусом знаменитого мистика.

– Ничего страшного. Я дала его вам меньше минуты назад. Мы с вами не двигались с места, и к нам никто не подходил. Билет просто не мог потеряться, давайте поищем вместе, – как можно спокойней сказала я.

– Давайте! Давайте поищем! – согласился Козаков и протянул мне свой плащ.

Я проверила все его карманы. Я раскрыла саквояж и, не обращая ни малейшего внимания на недовольные возгласы стоявших за нами, медленно перебрала все, что было внутри. Я заставила Козакова снять свитер и продемонстрировать мне карманы рубашки. Я изучила его портмоне из тисненной кожи. Я даже проверила свою собственную сумочку. Билета не было.

– Подойдите к окошку авиакомпании, – предложила поклонница мистика. – Я сейчас им позвоню. Скорее всего, они смогут восстановить билет.

Мы отошли от стойки. Козаков казался расстроенным и немного смущенным.

– Анжелика, я ума не приложу... Не знаю, что и сказать...

– Скажите только: вы хотите, чтобы я восстановила ваш

билет? До вылета еще 40 минут, я вполне могу это сделать.

Мистик покраснел.

– Я думаю, не стоит... Понимаете, любое событие – это знак, и похоже, мне не надо сегодня никуда лететь!

– Что ж, тогда уезжаем. Я переоформлю билет на завтра. Ваше выступление завтра в 18.00. Мы вполне успеем, а принимающая сторона даже сэкономит на гостинице.

Я повернулась и пошла к выходу. Когда-то, много лет назад, я смирилась с самым обидным, что могло быть в жизни женщины – с уродством. И чтобы вывести меня из себя, нужно нечто большее, чем номер с потерянным билетом.

Мы взяли такси и доехали до дома Козакова в полном молчании.

Перед сном я набрала его номер.

– Добрый вечер, Алексей. Вы смотрите новости?

– Нет, – недовольно ответил он, и я представила себе гибкую длинноволосую змею, от которой ему пришлось оторваться, чтобы снять трубку. – А что?

– Знаете, что случилось с самолетом, на котором мы должны были лететь в Питер?

– Что? – моментально оживился мистик. В этот момент он уже отодвинулся от Змеи на приличное расстояние, а может быть, и оттолкнул ее ногой в дальний край кровати. – Неужели?! Он упал?! Это и на самом деле был знак. Видите ли, существование иногда дает понять...

Я не стала это выслушивать.

– Самолет благополучно приземлился в аэропорту города Санкт-Петербурга. По расписанию. Без задержек, – четко произнесла я и в награду получила несколько секунд восхищенного, растерянного молчания. – Во время полета был подан горячий завтрак исключительного качества. Все пассажиры живы и здоровы. Вы еще у телефона?

– Да, я здесь. Неплохо у вас получилось... Поздравляю.

– Не могли бы вы ответить мне на один вопрос?

– Пожалуйста, – щедро согласился он.

– Скажите, куда вы все-таки дели билет?

Козаков довольно хмыкнул.

– Обещаете, что не скажете людям в издательстве?

– Да.

– У вас есть мои книги? – спросил мистик, и его бархатный голос стал тягучим и напевным.

– Да. Катя прислала мне полный комплект.

– Но вы их еще не читали, да? Ничего страшного, не оправдывайтесь. «Доктор странствий», книга вторая, страница 126. Почитайте, – тут уже его голос превратился в чистый сахар – неудивительно, что выступления Козакова собирают полные залы.

– Простите, что?

– Читайте и поймете. Всего доброго.

Не дожидаясь моего ответа, он повесил трубку. Я почти видела Змею, которая тут же свернулась клубком в его руках.

«Читайте и поймете» – гениальный слоган для рекламной компании следующей книги. Я достала свой блокнот и записала на новой странице: «Читайте и поймете». Лучше не бывает.

Затем я убрала блокнот в сумку и распаковала трилогию «Доктор странствий». Взяла вторую книгу и открыла страницу 126. Правую часть разворота украшало черно-белое графическое изображение ограненного камня. На левой был всего один абзац текста – книгу явно «разгоняли», чтобы получить приличный объем. Этот абзац назывался так:

«Алмаз в кармане мудреца».

Когда все ученики усадились в круг, Доктор сказал:

«Говорят, что однажды мудрец купил алмаз необыкновенной величины, а самый ловкий вор в городе это увидел и захотел его украсть. Он принялся следить за мудрецом. Тот купил билет на поезд, и вор сделал то же самое. Они сели рядом. И когда мудрец отлучился со своего места, вор перерыл всего его вещи, но не нашел алмаза. Когда мудрец лег спать, вор обыскал все его карманы, и опять ничего не нашел. Наутро они вышли из поезда, и вор взмолился: „Где ты спрятал алмаз? Я же видел, как ты его купил!“ Мудрец ответил: „Я знал, что ты захочешь его украсть. И поэтому спрятал его там, где ты бы ни за что не стал искать – в твоём кармане“».

– Признайся, Доктор, ты был тем мудрецом? – спросили ученики.

– Нет, конечно. Я был тем вором, – признался Доктор.

Я положила книгу на стол, вышла в коридор и сняла с вешалки пальто. В правом кармане лежал авиабилет Москва-Санкт-Петербург-Москва на имя Алексея Козакова.

У мистика было всего несколько секунд перед окошком регистрации, но он успел. Надо признаться, что ни одному из политиков, с которыми я работала прежде, не приходило в голову выкинуть нечто подобное.

Я поставила будильник на 8 и легла спать. На следующее утро мы должны были снова лететь в Питер.

В воскресенье весь город был окутан сероватым туманом, а известный мистик и гуру снова появился у дверей своего подъезда в 10.45 – в плаще, с большим клетчатым зонтом в руках. И его загорелое, улыбчивое лицо по-прежнему казалось совершенно неуместным среди мелкого дождя и холодного ветра.

Козаков сложил свой зонт, поставил саквояж в багажник и уселся рядом со мной. Его глаза сияли и казались почти прозрачными, а воздух мгновенно наполнился еле заметным ароматом восточных благовоний.

– Вы нашли билет? – спросил он вместо приветствия.

– Да, спасибо. Правда, я не могу понять, зачем вы его спрятали. Мы же взрослые люди, можно было просто сказать, что не хотите ехать, и не устраивать цирк.

– Это не цирк, дорогая Анжелика. Это был порыв. Поток, который меня подхватил и понес, а я позволил этому случиться, – голос мистика был глубоким и искренним, как будто полный зал почитателей уже собрался у его ног. – Другими словами, я понятия не имею, зачем сделал это. Так вышло. Еще вопросы?

– Почему ваша байка про алмаз показалась мне такой знакомой?

Козаков усмехнулся.

– Не байка, душа моя, а даосская притча. Я спер ее у кого-то из буддистов. Удивительно, но вы первая, кто поймал меня с поличным.

Я не стала возражать, но в сущности, здесь нет ничего удивительного: пока мужчины и женщины, рожденные привлекать, занимались друг другом, ничто не мешало мне читать буддийские притчи.

– А сейчас, если вы не против, мне нужно сконцентрироваться на выступлении.

Козаков расстегнул верхнюю пуговицу плаща и положил руки на колени ладонями вверх.

При этом глаза у него были добрые-добрые.

Нет ничего нового в этом мире под солнцем. И даже сюрпризы, которые здесь могут приподнести, украдены у живших когда-то.

В зале было холодно и недостаточно светло, но все места оказались заняты еще за двадцать минут до начала. Ровно в шесть Козаков открыл боковую дверь и неспеша прошел по рваной красной дорожке к сцене. На нем были обычные джинсы и свитер неопределенного оттенка, но первое, что привлекло мое внимание, было совсем не это. Первое, что я увидела, – это его босые ступни идеальной формы. Не глядя под ноги и не заботясь о том, на что он мог бы наступить в этом не слишком чистом зале, мистик поднялся по ступенькам и сел за старенький стол, похожий на обычную школь-

ную парту. Из бутылки он налил себе немного воды в стеклянный стакан и выпил.

– Я желаю вам добра, – без всякого вступления начал Козаков. И хотя скрипучий микрофон старого ДК не мог передать глубины и силы его бархатного голоса, по залу пронесся восхищенный вздох.

– Заметьте, что я не желаю вам здравствовать, потому что физическое здоровье – это всего лишь иллюзия. Я не желаю вам быть богатыми, потому что богатство – точно такая же иллюзия, как и здоровье. Я не желаю вам счастья, ведь и это иллюзия. Тем более, я не желаю вам любви, потому что получить или потерять ее невозможно: она живет внутри каждого из нас. А тот, кто думает иначе, всего лишь тешит себя самой главной иллюзией из всех, придуманных людьми. Я желаю вам добра... Но и добро – это не больше, чем иллюзия, разве не так? Человеку, который это понимает, совершенно не нужны мои пожелания. Но раз вы здесь, значит, вам все-таки что-то от меня нужно. Что же это? Задавайте вопросы, я готов на них ответить.

После этого он снова налил себе воды. А в темном и холодном зале начали медленно подниматься руки, и я спустилась к зрителям, чтобы собрать записки с вопросами.

Если мне не изменяет память, я была на пятидесяти трех сессиях политических дебатов. Я сто восемнадцать раз стояла за камерой во время прямого телеэфира и даже присутствовала (вместе с кандидатом в губернаторы) при спасении

из горящей квартиры трех младенцев ангельского вида. С популярным телеведущим я регулярно посещала православный храм по воскресеньям и синагогу по субботам – с преуспевающим бизнесменом. Но никогда прежде мне не случилось видеть на лицах людей такой непобедимой надежды, как в холодном и не слишком чистом зале старенького ДК.

Автор кармических теорий знал все на свете. Он мог правдоподобно объяснить, почему болеют дети, отчего уходят мужья и какие высшие законы управляют любыми человеческими желаниями. Он шутил и рассказывал истории. Он сдвигал брови и просил недостойных незамедлительно покинуть зал. Он уверял, что любовь в сердце – это единственное сокровище, которое нужно беречь, и строил глазки девушке в третьем ряду. При этом его бархатный голос вил коконы, баюкал и хранил от непогоды, а его руки неподвижно лежали на столе ладонями вверх.

Ровно в восемь Козаков допил последний глоток воды и, не прощаясь, поднялся. Он не спеша спустился со сцены и босиком прошел по старой грязно-красной дорожке к боковой двери.

Его глаза были красными и воспаленными, на лбу выступил пот и даже издали было заметно, что мистик дрожит.

– Вы с ума сошли, – сказала я ему. – Почему вы сидели босиком в таком холоде?

– Это ничего, – очень тихо ответил Козаков, и его голос больше не был ни бархатным, ни глубоким, он не вил коконы

и не хранил от непогоды – он сам молил о защите.

– Как это ничего?! Вы заболете.

– Я всегда практикую босиком... И никогда от этого не болею. У вас есть полотенце или платок? Извините, я не предупредил, что это может понадобиться.

– Бумажная салфетка подойдет?

Он промокнул салфеткой лоб, и от этого его волосы стали взъерошенными, а выражение лица сделалось необыкновенно трогательным.

– Пожалуйста, давайте поедem как можно скорее, – сказал он.

– Конечно. Вам вызвать врача?

– Не надо. Я не заболел. Как-нибудь я вам об этом расскажу подробнее.

Он улыбнулся, надел носки, ботинки и плащ, взял в руки свой большой клетчатый зонт и мы вышли в туман и дождь.

– Ваш единственный недостаток, дорогая Анжелика, – задумчиво произнес мистик, пока мы ждали такси, которое вот-вот должно было подъехать, – состоит в том, что вы не можете водить машину.

– Совершенно с вами согласна, – коротко ответила я.

Но если быть совсем точной, мистик был неправ: я могу водить машину. Я просто ее не вожу, и у меня есть на то причины.

Автомобили проносились мимо, обдавая нас брызгами. Дождь нещадно сыпал ледяными каплями. Козаков раскрыл

надо мной свой клетчатый зонт, и именно тогда я впервые за много лет пожалела о том, что не была рождена привлекать. Вполне возможно, что будь у меня чуть меньше здравого смысла, я бы опустилась перед ним на колени и тоже просила немного той самой надежды, которая заставляет горы ходить.

Когда мы подъехали к гостинице, туман стал густым и молочно-белым, а контуры домов проступали из него, как силуэты затерянных замков. В вестибюле было тихо и пусто, но как только мы вошли, от стены беззвучно отделилась женщина.

– Алексей Алексеевич, я к вам. У вас есть минутка?

– Да. Поднимайтесь на шестой этаж, – без всякого выражения ответил мистик, а потом обернулся ко мне. – Анжелика, предупредите, пожалуйста, администратора, чтобы пропускал ко мне других.

– Будут и другие?

– Будут, можете не сомневаться...

– А как же ужин? Я могу заказать вам его в номер.

– Не надо. Я никогда не практикую на полный желудок, – устало улыбнулся Козаков и двинулся к лифту.

Его волосы все еще были влажными, лицо – загорелым и очень красивым. К счастью, тот, кто все это придумал, сполна оделил меня здравым смыслом. Я прекрасно понимала, что он идет через вестибюль гостиницы именно так,

как положено знаменитому мистика, – плавно, неторопливо и очень легко.

И не думайте, что я не заметила: проходя мимо зеркала, автор кармических теорий внимательно взглянул на свое отражение. Не сомневаюсь, что он остался доволен увиденным.

Я поднялась по лестнице на шестой этаж и бесшумно прикрыла за собой дверь номера. Город за окном был залит молочно-белым туманом и где-то внизу проносились машины, далекие и призрачные, как кометы. Их водителям и пассажирам не было никакого дела ни до знаменитого мистика, ни тем более до меня. И от этого на душе было легко и спокойно. Может быть, это и есть идеальное человеческое счастье – знать, что все лишнее проносится мимо, не задевая тебя и не расстраивая. Но об этом наверняка гораздо больше меня знал автор кармических теорий, чей глубокий голос, приглушенный тонкими стенами, иногда долетал до меня из соседнего номера.

Я зажгла желтоватую лампу над столом, достала из сумки свой блокнот и раскрыла его на странице, подписанной «21 мая, воскресенье». Я помнила все наизусть, да и список на сегодня оставался совсем коротким.

- 23.00 – забрать конверт внизу
- завтрак для Козакова (вегетарианский)
- Выезд завтра – в 12.00. Такси.

Я закрыла блокнот и с удовольствием потянулась. Воз-

можно, мистик планировал спасти страждущих до самого утра – это его право. А меня ждал двухчасовой массаж, заказанный еще из Москвы, и вкусный ужин с хорошим вином. В глубине моего просторного номера стоял массажный столик, и я знала, что в проигрыватель уже вставлен диск со звуками текущей воды – мой любимый.

Я родилась уродиной и многие из вас смотрят *сквозь* меня, но это совершенно не значит, что я лишена удовольствий. В сущности, мне доступны все радости этого мира, которые можно купить за деньги. Я много работаю и стою очень дорого, но у меня нет ни ребенка, ни мужчины, которые могли бы разделить со мной материальные блага. Так стоит ли отказывать себе в том, что продается?

Стрелки часов указали половину девятого, и почти сразу в дверь тихо постучали.

– Добрый вечер, Анжелика. Очень рад вас видеть снова, – сказал массажист, и я ни на секунду не усомнилась в его искренности: чаевые, которые я оставляю, – это вполне существенный повод для радости.

Я уже шесть раз останавливалась в этом отеле, а мои предпочтения остаются неизменными: массажист был молод, высок и очень хорош собой.

Я легла на столик, укрытый душистым полотенцем. А потом по моей спине потекло теплое масло, которое пахло южными травами, и заскользили сильные руки мужчины, рожденного привлекать. Я медленно провалилась в невесомое

облако, сотканное из самых сладких человеческих удовольствий, которые можно купить за деньги в городе Санкт-Петербурге.

Через два часа мне был подан ужин: маленькие золотистые рыбки дорадо и овощи, запеченные на гриле, 2 бокала отличного розового вина, шоколадный торт и кофе на десерт.

Я не спеша поела в своем номере. В поездках я всегда поступаю именно так. Ведь меня нет смысла переодевать в вечернее платье и с шиком демонстрировать компаньонам, а потому те, с кем я работаю, предпочитают ужинать без меня. Мне известны все мои сильные стороны, но умение скрасить досуг усталого мужчины вряд ли возможно считать одной из них.

Одиночество за ресторанным столиком, строго говоря, ничем не отличается от одиночества в номере. А от одиночества в собственном теле нам и вовсе никуда не уйти.

По крайней мере, тот, кто все это придумал, наградил меня прекрасным метаболизмом.

В соседнем номере беспрестанно открывалась и закрывалась дверь, а бархатный голос Козакова перемежался с женскими и – очень редко – мужскими репликами. Но все это ничуть не помешало мне с удовольствием поесть.

Ровно в одиннадцать я сняла телефонную трубку. Конверт

уже ждал меня внизу, и я вышла в коридор, бесшумно прикрыв за собой дверь. В нескольких метрах от меня стояла женщина – прислонившись плечом к стене, опустив голову и закрыв лицо руками. Еще одна встретила меня возле лифта – ее глаза лихорадочно горели, а пальцы на руках торопливо двигались, как будто она про себя перечисляла что-то очень важное. Третья с потерянным видом сидела на диване в вестибюле – это была та самая, которую Козаков пригласил к себе сразу после выступления.

– Может быть, вам нужна помощь? – спросила я, и медленно возвращаясь из небытия, она подняла на меня глаза.

– Он и так мне помог, вы просто не представляете! За полчаса изменилась вся моя жизнь! Все по-другому, я и подумать о таком не могла! Спасибо вам и ему спасибо. А за меня не волнуйтесь, за мной сейчас сестра придет...

Подумать только, полчаса – и вся жизнь до сегодняшнего дня выглядит совсем по-другому. По сравнению с этим, любые удовольствия, которые можно купить за деньги, кажутся просто ничтожными. Что он там с ними делает? Лечит наложением рук?

Я подошла к стойке администратора, возле которой сидел молодой человек настолько неприметной внешности, что большинство проходивших мимо наверняка смотрели *сквозь* него. Но только не я. Я увидела его сразу. Он улыбнулся, показав кривые зубы, и дал мне конверт с крупной надписью печатными буквами «А.КОЗАКОВ».

– Что в нем? – спросила я. – Меня об этом не предупредили.

– Деньги, как обычно, – ответил парень.

– Деньги?

– Ну да, за выступление. До свидания.

После этого он ушел, а я достала из сумки блокнот, записала «деньги в конверте» и подчеркнула двумя жирными чертами. Вне зависимости от того, что думает существование по тому или иному поводу, я считаю такую форму оплаты совершенно неприемлемой. Я подошла к стойке.

– Я хочу заказать завтрак в номер 608. Пожалуйста, вегетарианский.

– Минутку, я проверю, – сказала девушка-администратор, как и положено, глядя *сквозь* меня. – Гость из 608-го уже заказал в свой номер завтрак на двоих. Но он не просил вегетарианский. Вы хотите, чтобы я перезвонила ему и уточнила?

Должна признаться, что вопрос прозвучал достаточно ехидно. Но чтобы меня расстроить, нужно что-то несомненно большее, чем отказ от вегетарианства.

– Спасибо. Не надо, – без всякого выражения ответила я. – Просто вызовите для нас такси в аэропорт на двенадцать.

Я поднялась на шестой этаж пешком. Коридор был пуст. Спасенные женщины отправились по домам, а может быть, и непосредственно к своему глубинному «я» – кажется, именно так называлось у Козакова обретение покоя. Вокруг было тихо, приглушенные лампы неохотно освещали мягкий

ковер и идеально выкрашенные нежно-розовые стены. Последователь кармических теорий наверняка сказал бы, что в этом призрачном свете воздух звенел и вибрировал, но я скажу иначе: кто-то очень сообразительный трудился здесь над освещением и звукоизоляцией. Кто-то, чья работа стоит очень дорого, можете мне поверить.

Оглянувшись по сторонам, я быстро приложила ухо к двери Козакова: в первые несколько секунд из его комнаты не доносилось ни шороха. А потом воздух прорезал глубокий и страстный женский стон. Мне показалось или он жарким вихрем пронесся по коридору, заглянув в каждый уголок, забравшись под каждую дверь?

Вот вам и наложение рук.

Я зашла к себе, разделась и легла в постель. В сущности, удовольствия Козакова отличаются от моих только тем, что ему все достается бесплатно. Я закрыла глаза, и невесомое облако, сотканное из человеческих радостей, постепенно снова сомкнулось вокруг меня, принося с собой разноцветные легкие сны. И если ночью другие стоны проносились по коридору, разрезая воздух и вселяя беспокойство в умы честных граждан, то я их не слышала.

Утром ровно в одиннадцать я набрала номер Козакова – он не ответил. Что ж, времени до отъезда было вполне достаточно. Я не спеша сложила вещи в свой ярко-зеленый чемоданчик, выпила чашку чая и спустилась вниз.

Ни в 11.45, ни в 12 мобильный мистика не отвечал, а в 12.15 оказался выключен.

– К телефону в номере он тоже не подходит, – растерянно улыбнулась девушка-администратор. – Но из отеля он не выходил, это точно! Давайте я отправлю к нему кого-нибудь из наших сотрудников.

Сотрудник вернулся через несколько минут, сообщив, что дверь ему не открыли, но в довольно резких выражениях предложили спуститься вниз и спокойно ждать.

А еще через четверть часа Козаков вышел из лифта в лобби отеля с большим зонтом и дорогим кожаным саквояжем в руках. Его лицо было усталым и очень красивым, а маленькие морщинки в уголках губ стали похожи на четкие штрихи, которые рисуют на щеках грустных клоунов.

– Доброе утро, Анжелика, – процедил он. – Должен вам сказать, у меня еще никогда не было такой назойливой секретарши.

– Я не секретарша, – начала было я, но он меня перебил, раздраженно дернув плечом.

– Знаю, знаю, персональный помощник. Мы уже можем ехать или будем выяснять отношения до бесконечности?

С этими словами он вышел на улицу, сел в такси и с шумом захлопнул дверцу. Зонт и саквояж он положил рядом с собой на сиденье, так что мне пришлось разместиться впереди.

Если таким образом Козаков хотел задеть меня, у него ничего не вышло: по части оскорбительных выходок мистик явно не дотягивал до успешного бизнесмена и даже близко не стоял рядом с ведущим популярной телепередачи.

В полной тишине мы доехали до аэропорта и прошли регистрацию в последний момент. А едва оказавшись в самолете, автор кармических теорий достал из кармана темные очки.

– Спокойной ночи, Анжелика, – сказал он мне. – И будьте любезны, проследите, чтобы меня никто не будил. Это не слишком унижительное поручение для персонального помощника?

– Совсем нет, – ответила я.

– Ну и прекрасно.

Он надел очки и откинулся на спинку сиденья. До того момента, как самолет приземлился в Москве, знаменитый мистик ни разу не пошевелил и пальцем – можете мне поверить, я следила за ним очень внимательно.

Настоящая Змея встречала нас в зале прилета. Она была

с ног до головы одета в черное, ее длинные волосы струились по спине. Нежно обнимая автора кармических теорий, она сверкнула на меня глазами из-под пушистых ресниц, и должна признаться, этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Выглядишь ужасно, – констатировала она, пробежав пальцами по лицу Козакова. – Не спал, не ел и толком не отдохнул. Надо было взять меня с собой, и все вышло бы по-другому.

Если бы не десять лет профессиональной практики, я бы, наверное, усмехнулась: настолько точными оказались слова глазастой Змеи. Будь она с нами, все и правда могло бы выйти совсем иначе, вот только вряд ли ей стоит знать о деталях путешествия.

– Это все Анжелика виновата, – не глядя на меня, бросил мистик. – Не смогла найти для тебя билет!

– Я сделала все возможное, но времени было слишком мало, – очень спокойно произнесла я, и в ту же секунду мистик быстро взглянул на меня, а в его светлых глазах вспыхнула и погасла стремительная яркая искра.

– А при первой встрече обещала мне буквально луну подать на тарелочке... Эх, женщины...

– Что делать, Алексей. Вы тоже не сказали мне, что станете терять билеты, опаздывать и выключать телефон.

– Вам наверняка сказали об этом в издательстве, – улыбнулся мистик и обнял свою Змею. – «Доктор странствий»,

книга первая, страница восемьдесят семь.

— О чем это вы? — спросила я.

— Читайте и поймете, — ответил Козаков, и голос его при этом был тягучим и бархатным. — Теперь мы можем идти или снова будем выяснять отношения до бесконечности?

Не дожидаясь ответа, он пошел прочь, а Змея плавно двинулась с ним рядом. Козаков остановился у самых дверей и обернулся ко мне.

— Иринushка за рулем. Вы хотите, чтобы мы подбросили вас домой, Анжелика?

— Спасибо. Я прекрасно доберусь сама.

В Москве было ясно. Ласковый ветер шелестел ярко-зеленой листвой и приводил в беспорядок прически. Как только я дошла до стоянки такси и уселась в машину, мимо промчался красный кабриолет. Настоящая змея одной рукой держала руль, а другой отчаянно жестикулировала, пытаясь в чем-то убедить знаменитого мистика. Он смотрел в сторону, а морщинки, которые делали его похожим на грустного клоуна, стали еще более четкими.

Дома я поставила свой ярко-зеленый чемоданчик в прихожей, повесила на крючок куртку и открыла первую часть «Доктора странствий» на странице восемьдесят семь. Правую сторону разворота украшало довольно безвкусное изображение пышного венка, в котором переплелись розы, гвоздики и лавровые ветви. На левой стороне была небольшая

главка, которая называлась так:

«Человек, который опоздал на свои собственные похороны»

«Этот человек опаздывал всегда, – начал Доктор, и все вокруг засмеялись, потому что каждый подумал о ком-то знакомом. – Его завтрак превращался в обед, а обед – в ужин. Его лето начиналось осенью, а осень – зимой. У него не было детей, потому что ни одна женщина ни разу не дождалась встречи с ним. У него не было друзей, потому что ни один мужчина не мог дождаться, когда он попросит о помощи, а без этого – какая дружба? И вот однажды этот человек умер. На его похоронах собрались женщины, которые могли бы родить его детей, и мужчины, которые хотели бы предложить ему свою помощь. Самого усопшего там не было, но поскольку все привыкли, что он опаздывает, никто не удивился. Гости ели и пили без него, и между нами говоря, без покойника им было гораздо веселее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.